

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Презумпция ВИНОВНОСТИ

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Марина Либоракина

исполнительный директор
фонда «Институт экономики города»

5 августа Госдума приняла в первом чтении пакет поправок к Налоговому Кодексу РФ. Осенью ожидается второе чтение, и пакет, скорее всего, будет полностью принят к концу года. Среди прочих в нем есть две неприметные для думского большинства поправки, касающиеся грантов для некоммерческих организаций (НКО), в том числе благотворительных. Одна из этих поправок существенно расширяет сферу применения льготного налогообложения для благотворителей. Зато другая резко осложнит жизнь некоммерческих организаций и неизбежно приведет к сокращению объемов пожертвований. Чем вызваны грядущие перемены, в чем замысел их авторов, руководителем Российского фонда помощи ЛЬВУ АМБИНДЕРУ объясняет ведущий эксперт в области развития некоммерческого сектора МАРИНА ЛИБОРАКИНА.

Согласно поправкам к статье 251 второй части НК РФ, гранты, с которых НКО не придется платить налог на прибыль, можно будет предоставлять не только на осуществление программ в области образования, искусства, культуры, но и охраны здоровья населения (направления — СПИД, наркомания, детская онкология, включая онкогематологию, детская эндокринология, гепатит и туберкулез), охраны окружающей среды, защиты прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных законодательством РФ, социального обслуживания малоимущих и социально не защищенных категорий граждан, на проведение конкретных научных исследований. При этом вводится новый порядок регистрации договоров, чьи гранты освобождаются от налога на прибыль: «Гранты предоставляются российскими физическими лицами, а также некоммерческими организациями по перечню, утверждаемому Правительством РФ». Иными словами, правительство само будет решать, кто имеет право выделять гранты, а кто — нет.

— Если судить о филантропии в стране на примере читателей „Ъ“, то она явно на подъеме. Растет все: объемы помощи, число филантропов, частных и юридических лиц. В 2003 году помощь читателей авторам писем в Российский фонд помощи составила \$1,2 млн., а нынче столько подарено за семь месяцев. Казалось бы, государство заинтересовано именно в таком развитии событий. Но поправки к НК говорят совсем о другом подходе власти к благотворительности. Я не прав? — Правы. Сейчас весь мир строит баланс между помощью бедствующим людям от государства, организованной благотворительности (НКО) и частной филантропии. Филантропы заполняют социальные лакуны, не выиславшиеся в госсистеме. И тогда действительно баланс. Растет патернализм государства — съезжаются некоммерческий сектор, и наоборот. Это закон общественной природы. Но в нашей стране он не действует.

Мы должны иметь лучшее, чем сейчас, законодательство для НКО. Если мы хотим расцвета филантропии, то нужна уверенность в том, что инициатива таких людей, как читатели „Ъ“, будет всемерно поощряться. А что на самом деле? Живи ваши читатели в США и вот так помогай несчастным, они имели бы право на налоговые вычеты. У нас тоже есть такое право, но лишь когда вы жертвуете в бюджетные и религиозные организации. Этого недостаточно. Можно было бы ожидать, что хоть уж речь зашла о поправках в НК, то авторы учтут мировой опыт. Не учли. Цель, которую ставит перед собой Минфин РФ, а это его поправки, другая: ужесточение контроля, пресечение злоупотреблений. Действительно, всем памятен скандал в виде того, что был с Национальным фондом спорта. Презумпция виновности в отношении благотворителей существует до сих пор. Более того, она укрепляется, хотя известно, что в злоупотреблениях того же фонда спорта виновато само государство.

— Как отразится на филантропии введение нового порядка регистрации благотворителей в правительственном перечне? — Экономически это негодное средство для решения правильной проблемы. Если кто решит отмыть деньги, то уж точно не через гранты. Слишком сложно, себе дороже. Люди бизнеса, которые в теме, просто смеются. Зато, как утверждает ряд экспертов, с политической точки зрения поправки вполне оправданы. Они повышают зависимость НКО и гражданского общества от государства. Власти уверена, что есть хорошие НКО и не очень. Последние живут на гранты и пренебрегают обязанностями по защите прав человека, зато угождают своим грантодателям. Которые либо действуют из-за границы, либо имеют криминальные корни. И правда, есть у нас крупные грантодатели, против которых возбуждены уголовные дела.

— И каков прогноз? — Если говорить о российских грантодателях, то нас, вполне возможно, ждет новый виток коррупции. Чтобы попасть в перечень правительств, надо сильно угодить чиновнику. А критерии отбора не прописаны. Многие грантодатели на местах просто отсутствуют, им не дотянуть до этого перечня. Но деньги есть, и они скажут: ладно, будем делать пожертвования. Это тоже дарение в общепольных целях. Но в отличие от гранта, где строгая отчетность, при пожертвовании получатель средств по сути никакой ответственности за их эффективное использование не несет. Эта конструкция снижает степень прозрачности. То есть авторы поправок добьются прямо противоположного задуманному. Но их же не интересует целевое использование пожертвований, их интересуют только сами доноры. И если поправки примут, то желающим выделять гранты и следить за их целевым использованием предстоит доказывать свое право на филантропию. Это большая новость, в мире ничего такого нет. Везде власть интересуется лишь количеством трат. Решение очевидно: надо отказаться от всех перечней.

Грибковая инфекция полностью взята под контроль

На этом снимке Надя Кольцова, три года, диагноз: апластическая анемия, костный мозг не продуцирует клетки крови. «Надя чувствует себя хорошо», сообщает завотделением Российской детской клинической больницы (РДКБ) Михаил Масчан. — Грибковая инфекция взята полностью под контроль, борьба с основным заболеванием продолжается». В соответствии с протоколом этой борьбы у Нади был подавлен иммунитет, что и привело к развитию грибка. Требуется кансидас, средство от них, но госбюджетная РДКБ его не закупает, дорого: только для Нади требовалось \$23 тыс. Мы рассказали об этом 28 июля, и читатели собрали даже больше.

Надин костный мозг пока не заработал. Михаил Масчан говорит: «До трех месяцев можно ждать самостоятельного восстано-

вления кроветворения. Если не восстановится, то Наде предстоит пересадка костного мозга. Это дорогой вариант спасения, но финансово мы хорошо подстрахованы читателями „Ъ“. У Нади лекарств достаточно, что-бы дождаться любого решения».

Чужое маленькое сердце

может еще не прижиться в груди Никиты Зиновьева

Молодой юрист из Липецка Сергей Зиновьев показывает мне фотографию. На фотографии — человеческое сердце. Сердце рассечено напополам, и видно, что заросло изнутри белой, похожей на сало опухолью. Это рассеченное сердце, которое показывает Сергей, — сердце его девятилетнего сына Никиты. Никита сидит рядом на диване и играет в компьютерную игру про Астерикса. У Никиты в груди — сердце другого мальчика.

Когда ветер со стороны металлургического комбината, над Липецком висит смог. Говорят, от смога у многих детей здесь легкие заболевания. И Никите Зиновьеву тоже ставили астму. Ну ничего, живут же как-то дети с астмой. Два года назад к годоводному празднику Никите сшили костюм Бэтмена. — Я не помню никакого костюма Бэтмена, — Никита отвлекается от игры. — А что, у меня был такой костюм?

— Был, — отвечает Сергей сыну. Ты не помнишь. Ты же не пошел на праздник. И не видел костюма. Это же был сюрприз. Перед новым 2003 годом у Никиты поднялась температура. Очень высокая, без кашля и красного горла. Мальчику кололи антибиотики, и температура прошла, а в феврале поднялся снова. Ему сделали УЗИ сердца, нашли в сердце опухоль диаметром шесть сантиметров и отправили в Москву на операцию.

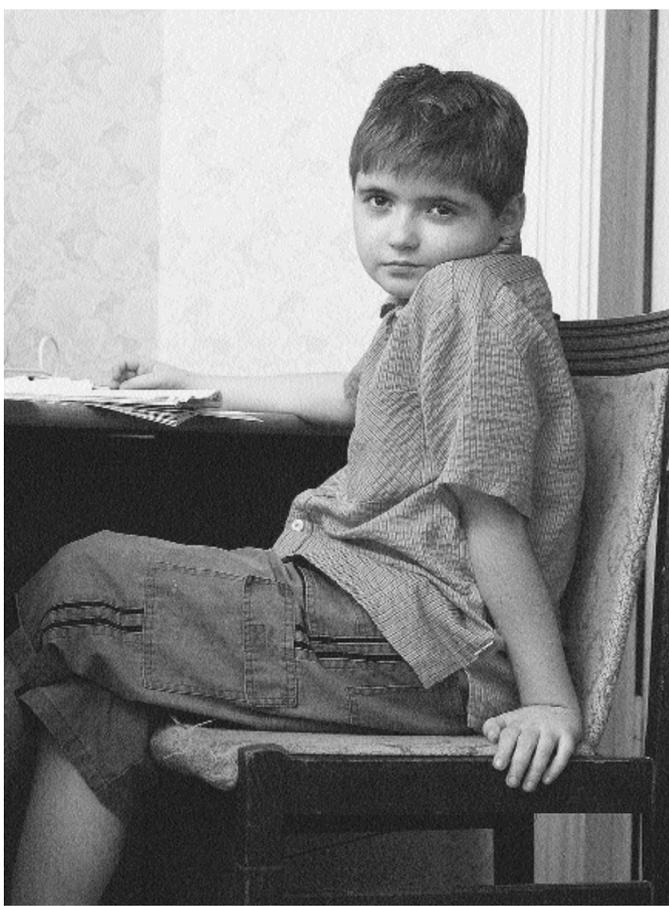
— Очень было страшно, — говорит Сергей. — Представляешь, ни с того ни с сего твоему ребенку делают операцию на сердце.

Но ничего, в Москве опухоль вырезали, исследовали и сказали, что она была доброкачественной мезенхимомой, то есть не будет снова расти и не будет давать метастазы. Никита говорит, что было больно, когда снимали швы, а Сергей говорит, что было обидно, когда медсестры вымогали деньги за то, чтобы поставить в палату дополнительную койку для Оксаны, Никитиной мамы.

Тогда казалось, что все обошлось. Но еще через год Никита с Оксаной опять попали в больницу, а стеклышки с кусочками вырезанной из Никитиного сердца опухоли отправили на повторное исследование в онкологический центр, и там сказали — саркома, злокачественная опухоль, растет. В декабре 2003 года опухоль выросла до 12 сантиметров в диаметре и была на этот раз не снаружи сердца, а внутри. Врачи сказали, что ничего нельзя сделать, разве что поехать за границу. Оксана говорит:

— Они сказали, что мы потратим очень много денег и все равно не спасем ребенка. Что мы молодые и лучше нам родить другого. — Кого другого? — спрашивает Никита, отвлекаясь от игры.

Сергей нашел несколько клиник в Европе: в Париже, в Гейдельберге, в Мюнстере. Они просили предоплату, эти клиники. €170 тыс. Сергей ходил в городскую администрацию, городская администрация писала письма в Минздрав, но в Минздраве была административная реформа, серьезное дело, недосуг заниматься мальчиком Никитой из Липецка. Никите оставалось жить месяц, может быть, два. Сергей нашел денег только на обследование в Мюнстере. Оксана боялась ехать с сыном в Мюнстер, боялась, что фирма-посредник обманет ее как-нибудь, а муж все-таки юрист. Вот так и получилось, что в Германию с Никитой поехал отец. Сергей надеялся, что в Мюнстере выяснится ошибка московских врачей насчет саркомы, но нет, никакой ошибки. Когда были готовы результаты обследований, Сергей с Никитой гуляли в мюнстерском зоопарке. Они смотрели носорога, Сергею позвонил врач и велел немедленно вернуться в больницу, потому что мальчику

За полгода после пересадки Никита научился открывать веки, шевелить пальцами, вставать, ходить. Теперь учится рисовать. ФОТО МИХАИЛА ГАГУСТОВА

нельзя ходить, опухоль может в любую минуту перекрыть сердечный клапан. Надо лежать и ждать донорского сердца.

Никита позвонил маме в Липецк, сказал, что ему поставят новое сердце, и спросил: — А это будет искусственное сердце или сердце другого ребенка?

— Сердце другого ребенка, — ответила Оксана.

— А мальчика или девочку? — спросил Никита. — Лучшее мальчика. А как же тот другой мальчик без сердца?

Шесть недель и три дня Сергей сидел у постели сына и читал ему про Гарри Поттера. Через шесть недель и три дня Сергей купил сыну игровую приставку к телевизору, потому что кончились книжки. Никита был счастлив. Он играл в игру про Астерикса и не хотел спать. Было десять вечера, когда вошла в палату медсестра Марион, толстая добрая тетя. Она улыбалась, она очень радовалась, она сказала: «Herz is here!» Она повторила эту фразу несколько раз, пока Сергей наконец понял, что на смеси немецкого и английского языков фраза значит: «Сердце здесь». Никита заплакал. Пришел доктор, подарил Никите презинфицированный ежика, сказал, что ежика можно взять с собой на операцию и ежик поможет. Сергей спросил, что был тот ребенок, чье сердце везут сейчас на вертолете в Мюнстер, а доктор сказал, что информация у донора не разглашается, можно только сказать, что он был мальчик и ему было четыре года.

В Липецке было двенадцать ночи, Оксана уже легла и потушила свет, когда позвонил Сергей сказать, что операция начинается. Она всю ночь сидела в постели, не включая свет и просто смотрела перед собой. Она говорит, что часа в четыре утра Сергей позвонил снова сказать, что операция прошла успешно. А Сергей говорит, что звонил не в четыре утра, а в десять, и Оксана просто не заметила, как рассветло за окнами и как начался день. Она приехала в Мюнстер на вторые сутки после операции, Никита был еще без сознания, весь в катетерах и дренажах. Она говорила с мальчиком, потому что энцефалограф показывал, что Никита ее слышит. Через неделю мальчик пришел в сознание, и его стали учить двигать веками, двигать пальцами, садиться, вставать. Месяца через два Никиту вывели в больничный дворик, и мальчик смог сам пересечь с каталки на качели, на которых качался в день приезда в Мюнстер.

— Ну, видишь, — сказал Сергей. — Я же обещал, что ты снова сможешь качаться на качелях, и мы пойдем смотреть носорога.

Еще Сергей обещал клинику в Мюнстере, что найдет €178 тыс., и ему поверили на слово. За прошедшие после операции полгода он нашел €160 тыс. Ему надо найти еще €17 тыс.. И еще Никите нужны лекарства, препятствующие отторжению донорского органа. Много дорогих лекарств. ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

На поддержку нового сердца Никиты надо €17 795

Отдадим должное Сергею Зиновьеву, отцу Никиты. Всего за пять месяцев, в Липецке он сумел найти €152 754 для Университетской клиники г. Мюнстера, Германия. Его долг сейчас оценивается в €17 830. Зиновьевым помогла администрация области, Новелицкий меткомбинат, завод холодильных «Стинпол», консервный завод «Лебедянский», пожарные части (дяд Никиты в прошлом пожарный) и еще несколько организаций. Больше помощников не нашлось. На Минздрав РФ рассчитывать не приходится — там еще не завершена реорганизация.

В октябре Зиновьевым опять ехать в Германию, на обследование. Сергей пока не знает, где найдет деньги на поездку. Прежде надо вернуть долг и вдогонку выслать в Мюнстер еще €9391 на оплату полугодового комплекса лекарств для послеоперационной терапии.

Как утверждает замдиректора НИИ трансплантологии и искусственных органов Анзор Хубутия, «такая терапия не должна прерываться в течение всей жизни пациента с пересаженным сердцем». Администрация Липецка отказывается принять закупки на себя, хотя по закону и обязана. Сергей уверен, что в конце концов убедит администраторов. Но полгода надо продержаться, максимум год.

\$11 500 за Зиновьевых по договору с нашим фондом внесет компания «Ингострах» (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, надо еще €17 795. Клиника примет суммы от €5000 и выше. Мы открыли Сергею Зиновьеву сберкнижку в Москве, так что любой ваш взнос будет с благодарностью принят. Банковские реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Сергей Семенов, 26 лет, капитан, травма во время несения службы, нужен импортный протез ноги, 202 240 руб.

В 2000 году, объезжая караулы на мотоцикле, я попал в автотрагедию. Очнувшись в госпитале, обнаружил, что левая нога ампутирована до середины бедра. Кроме того, перелом руки, сотрясение мозга и ушиб брюшной полости (почку ампутировали). Перенес семь операций, был протезирован и вернулся в армию, службу в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно женился. У жены четырехлетний сын, вот ждем дочку. Мне необходим хороший протез. В немецкой мастерской подобрали подходящий, но Минобороны его не оплатит. А личных средств нет, зарплата 4800 руб. Поймите, не хочу быть беспомощным. Мое место в военкомате. Военным ставят отечественные протезы, которые быстро ломаются и в кровь нагигают культю. Шарнир разболтается — и стопа отваливается. Гильза протеза треснула, на скотче держится. На службу хожу пешком — это полтора километра. На службе лестницы, а еще командировки, сборы офицеров. Недавно жени